

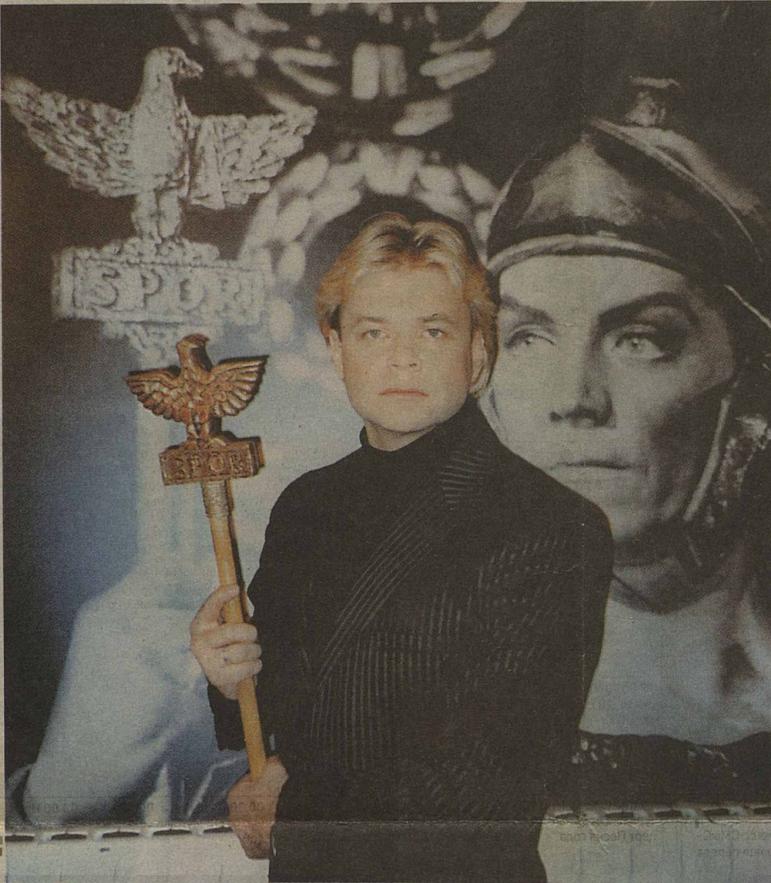

Случайное фото лорда Сноудена стало лучшим портретом Мариса Лиепы

Андрис Лиепа:

«На рояле мы раскладывали деньги»

Не найдется в Москве здания, на котором висело бы больше мемориальных досок, чем на доме Большого театра в Брюсовом переулке. Среди прочих великих артистов здесь жил блистательный танцовщик Марис Лиепа. В интервью специальному корреспонденту «Известий» Ирине Мак его сын Андрис Лиепа признался, что и сегодня их знаменитая квартира выглядит так же, как при отце.

Жезл Красса перешел к наследнику. Андрис на фоне портрета отца, висящего в гостиной

ИЗВЕСТИЯ: Это правда, что когда-то квартира принадлежала великой балерине Гельцер?

Андрис Лиепа: Да, но отцу досталась лишь часть той знаменитой квартиры. А в другой жил Левашов, тоже артист Большого театра. Ту историческую часть, в которой жила наша семья, мы решили не трогать. В ней сегодня живет моя сестра Илзе, там все осталось так, как было во времена нашего детства. И я счастлив, что мы сумели это сохранить. Потому что вот был я, например, в Париже в квартире Рудольфа Нуриева и страшно переживал, что от него там ничего не осталось: квартиру его купили другие люди, вещи все разобрали и распродали на аукционе. А жилище было уникальное, и личность артиста формировалась под влиянием тех вещей, которые были в нем собраны. Я, конечно, не сравниваю своего отца с Нуриевым...

ИЗВЕСТИЯ: Отчего же — когда-то большинству наших сограждан имя Мариса Лиепы говорило больше, чем имя Нуриева.

А.Л.: Может быть. Но смысл в том, что наша квартира в Брюсовом переулке — это именно квартира отца, начиная с мебели и кончая какими-то маленькими деталями.

ИЗВЕСТИЯ: Какими?

А.Л.: Например, отец обожал карельскую березу. Вещи из карельской березы были у нас повсюду, и особенно много в комнате, которую мы называли Залом Екатерины Васильевны Гельцер.

ИЗВЕСТИЯ: Почему зал?

А.Л.: Там есть две большие колонны, между ними мы растягивали занавес и давали свои небольшие представления. Кроме того, когда мы переехали, мы в этом зале обнаружили небольшой станок, за которым она, собственно, и занималась. А потом — и мы с Илзе.

ИЗВЕСТИЯ: У вас принято было устраивать детские спектакли?

А.Л.: Конечно. И новогодние представления, и танцы, и все что угодно.

ИЗВЕСТИЯ: Дочери своей вы такие спектакли устраиваете?

А.Л.: Сейчас другая ситуация: дети теперь участвуют в новогодних праздниках вместе с родителями. 31 декабря в Гостином Дворе состоялось шоу, на котором мы все вместе отправились в новогоднее путешествие — на карнавал в Рио-де-Жанейро. И Ксюша там была.

ИЗВЕСТИЯ: Она всегда встречает Новый год с вами?

А.Л.: Обычно да. В этом году она, правда, хотела поехать к бабушке — Катини маме, которая живет в Мюнхене. Вы же понимаете, как там в это время красиво: мюнхенские рождественские базары могут сравниться разве что с парижскими или венскими. Но потом Ксюша узнала, что у нас здесь будет бразильский карнавал, и сама решила остаться.

ИЗВЕСТИЯ: Сколько вашей дочери сейчас?

А.Л.: Шесть.

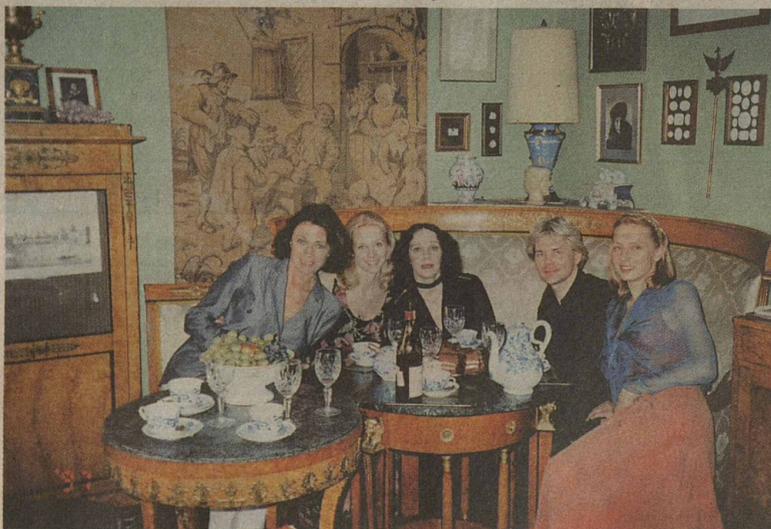
ИЗВЕСТИЯ: Она верит в Деда Мороза?

А.Л.: Я спрашивал. Сказала, что нет.

ИЗВЕСТИЯ: А вы верили?

А.Л.: Да. До определенного момента — лет до шести. Каждый год 31 декабря в пять часов отец уходил на правительственный концерт, и всегда Дед Мороз приходил, пока его не было. То есть понятно, что после концерта он шел в театр, брал сапоги, костюм, гримировался, одевался, клеил накладной нос. Но все было так здорово сделано, что я его не узнавал. И каждый раз говорил: «Папа, как жаль, что тебя не было — к нам тут Дед Мороз приходил!» А он отвечал: «Да, как же здорово было бы его увидеть!» Однажды Дед Мороз принес мне фонарик, я посетил ему в лицо, заметил грим и сказал, что в следующий раз оторву ему ус. Больше Дед Мороз прийти не решился.

Вещи из карельской березы были у нас повсюду, и особенно много в комнате, которую мы называли Залом Екатерины Васильевны Гельцер

В гостях у Екатерины, Андриса и Илзе Лиепы — актриса Жаклин Биссет (слева) и балерина Людмила Годунова (в центре)

ИЗВЕСТИЯ: У вас много икон — вы религиозны?

А.Л.: Да.

ИЗВЕСТИЯ: И Рождество православное справляете?

А.Л.: Обязательно. В детстве у нас праздники начинались в католическое Рождество, я ездил к бабушке в Ригу и получал подарки там. Потом был Новый год в Москве. А 6 января, в сочельник, у меня день рождения, так мы его отмечаем вместе с православным Рождеством, потому что накануне еще пост. У нас в Брюсовом церковь очень красивая, мы всегда в нее на Рождество ходили, а потом на Красную площадь.

ИЗВЕСТИЯ: Вас в этой церкви крестили?

А.Л.: Нет, меня крестила в детстве бабушка в Риге, в лютеранской церкви. Потом — в сознательном возрасте — я почувствовал, что должен что-то с собой сделать. Я даже скажу, когда это случилось: когда я у Левашовых откупил часть этой квартиры. Я там бывал раньше редко и не обращал внимания. А тут зашел, увидел камин, принадлежавший Екатерине Васильевне, и этот ее бассейн — ну, не бассейн, а мраморную ванную. Она, к сожалению, не сохранилась. И вот тогда-то я увидел, что окна из этих комнат выходят как раз на храм. Это произвело на меня сильное впечатление.

А иконы собирал отец, и я думаю, что это каким-то образом повлияло на наше сознание. Он был серьезным коллекционером, и все эти иконы — и Спаситель, и Богородица, и Николай Чудотворец — они висели у нас с той идеей, что он их коллекционировал. Но все это были старые намоленные иконы — XVI века, XVII, XVIII. И у Илзе они висят в том же порядке, в каком отец их развешивал. И, кстати, сохранился с тех времен «Уголок Спартака» — папин портрет с жезлом, костюмы, его скульптурные портреты, которые делал Манизер и другие скульпторы. Отец, между прочим, и сам очень хорошо лепил, мне это от него перешлось.

ИЗВЕСТИЯ: Вам не жаль было уезжать из этой квартиры?

А.Л.: А я из нее не уехал — она так за нами и осталась. Половина ее принадлежит нам

Однажды Дед Мороз принес мне фонарик, я посветил ему в лицо, заметил грим и сказал, что в следующий раз оторву ему ус

ИЗВЕСТИЯ: А как он добирался в costume Деда Мороза домой? На машине?

А.Л.: Да нет, шел как Дед Мороз, пешком — тут же рядом. А машины у нас тогда еще не было. Первые наши «Жигули» появились уже потом, когда отцу вручили Ленинскую премию за «Спартак».

ИЗВЕСТИЯ: С трудом представляю себе Мариса Лиепу за рулем «Жигулей».

А.Л.: Тогда это было покруче, чем сейчас иномарка. И это была очень хорошая машина, еще итальянской сборки. Она жила очень долго. В Москве тогда было всего пять «Жигулей» — их выдали пяти лауреатам Ленинской премии. Выдали, естественно, бесплатно — их еще надо было купить. Я помню, как на рояле мы раскладывали эти пять тысяч рублей. Какая-то феерическая была сумма.

ИЗВЕСТИЯ: А что за рояль, на котором раскладывали?

А.Л.: Bechstein, кажется. Его отец купил, он очень красивый. Потом, когда этот рояль привезли, выяснилось, что играть на нем невозможно — дека рассохлась, строй не держит. Хотя я помню, что однажды пришли к нам в гости Людмила Гурченко и один композитор — не помню его имя, он писал музыку к ее бенефису. Так вот, они играли на этом немножко расстроенном рояле, и ничего. Но в основном рояль использовали для фуршетов. А нам с Илзе для занятий купили пианино.

ИЗВЕСТИЯ: Вы занимались музыкой?

А.Л.: Честно говоря, фортепиано не любил. Педагоги пыпались меня возбудить вариацией из «Дон Кихота», но тщетно. Я ее выучил, на «четыре» сдал — и все. А на рояле, я еще помню, всегда стояли фигурки, которые я лепил.

ИЗВЕСТИЯ: Из чего?

А.Л.: Из пластилина. Несколько лет назад в Нью-Йорке, когда я сломал пятую плюсневую — это несложная травма, но у меня было полтора месяца вынужденного отдыха. И первое, что я сделал во время этого простоя, — отправился в магазин, где продается скульпторский пластилин, и полтора месяца получал удовольствие. А в детстве я не только лепил — я рисовал, в школе стенгазеты делал, шил мягкие игрушки.

ИЗВЕСТИЯ: Медведей?

А.Л.: Нет. Я помню, у меня был Пиф, за который мне дали какой-то диплом. А потом я маме на Восьмое марта сшил львенка. Но лепить — это было любимое занятие.

ИЗВЕСТИЯ: А что вы теперь лепите?

А.Л.: Да времени нет. Я больше Ксюше помогаю лепить.

ИЗВЕСТИЯ: Родители украшали интерьер вашими творениями?

А.Л.: Да, всегда. Отцу очень нравилось: я же делал после каждого спектакля его персонажей. У наших знакомых до сих пор стоит фигурка отца в «Спартак» — это было сделано, когда он еще Спартака танцевал. И у нас Красс всегда стоял на рояле. Я помню, что под фурку я взял банку из-под греческого апельсинового сока: обклеил ее всю, из стержней сделал основу штандартов и слепил его самого.

ИЗВЕСТИЯ: Что такое фурка?

А.Л.: Театральное выражение — то, на чем вывозят артиста на сцену. Есть даже такая театральная специальность — толкатели фурки. Очень сложная профессия: надо быть внимательным и вывозить ее так, чтобы не сбить артиста. Когда — еще давно — театр ездил на гастроли за границу, о персонажах, которые вытаскивали фурку с Крассом, говорили, что у них золотые шаги. Потому что они делали шесть шагов вперед и шесть шагов назад. А платили им по 12 долларов, и получалось по доллару за шаг.

Ксения Лиепа в квартире своего деда, которого она никогда не видела

всем. Но Катина квартира, в которой мы живем сейчас, расположена в замечательном месте — в Денежном переулке. Когда родилась Ксюша, Кате очень хотелось быть там, где она выросла. Наш дом — прямо напротив итальянского посольства, и это поразительно: дело в том, что Италия — моя среда обитания, я уже четыре года работаю в Риме. Я ставил спектакли в Театро дель Опера, Илзе с Карлой Фраччи станцевала там в «Марии Стюарт» в постановке Уэйна Иглинга, в следующем декабре я ставлю там «Щелкунчика», в апреле будет повтор «Жар-птицы»... И представьте себе, мои окна выходят сейчас прямо на итальянское посольство — я даже видел, как они наряжали елку.

ИЗВЕСТИЯ: Есть какая-то вещь, которую вы взяли из той квартиры в свою нынешнюю? Вещь, без которой вы не можете существовать?

А.Л.: Фотография отца, сделанная Сноуденом. Лорд Сноуден — фотограф, который снимал и меня, когда я танцевал в Мариинке. Так случилось, что он случайно увидел отца в театре и сделал его фото. Знаете, артист, особенно в те времена, пока он в обойме и его все видят, его имя на слуху, его все снимают. А как только он уходит со сцены — о нем забывают. И тогда отца уже мало снимали. Эта фотография оказалась одной из последних и лучших. Она всегда у меня висит.